

Ларионов Михаил

8.04.05.

галея-с 25.

08 | апреля | пятница | 2005 | #063 / 841/

АРТ/КЛАССИКА | 25

■ ВЫСТАВКА

до первого лучизма

Михаил Ларионов в «Элизиуме»

■ СЕРГЕЙ САФОНОВ

Всего на пять дней в расположенной в Центральном доме художника галерее «Элизиум» открылась выставка ранних работ Михаила Ларионова из частных собраний. Она приурочена к выходу книги Александра Ковалева «Михаил Ларионов в России. 1881—1915».

«Элизиум» — правильная галерея. Потому что, хотя и участвует дважды в год в антикварных салонах, специализируется на продаже искусства первой трети XX века, и даже кассовый аппарат у нее есть, как и положено по закону, а все-таки, как говорил один из персонажей Андрея Платонова, «мастерство свое берет». Хотя бы раз в год галерейная команда под управлением Марины Молчановой или устраивает планово-убыточную (зато хорошую) выставку, или выпускает что-то толковое при участии издательства «Компьютер-Пресс» — далекого, казалось бы, от старорежимных художеств. В эти дни в галерее демонстрируются живописные и графические работы молодого Михаила Ларионова (1881—1964), участника легендарных выставок «Бубновый валет», «Ослиный хвост», «Мишень» и «№ 4», известного мастера начала XX века, супруга не менее знаменитой «амазонки авангарда» Натальи Гончаровой.

Табачные спонсоры давным-давно отплясали в Третьяковке на вернисаже ларионовской живописи из парижского наследия художника; в последнее время его имя всплывало и на «Золотой карте России», и в других пафосных экспозициях. «Элизиум» рискнул вновь обратиться к этому автору. Получившаяся выставка лишена какой бы то ни было брутальности. Экспозицию составили три десятка очень «домашних» вещей, важных в первую очередь тем,

что в этих изображениях небольшого формата зафиксировано самое начало самостоятельного творческого пути величайшего русского художника. Здесь еще нет ни бубнововалетского следования Полю Сезанну, ни опытов впоследствии изобретенного Ларионовым беспредметного лучизма и увлечения примитивом — более всего эти работы близки парижским живописным студиям молодого Александра Шевченко и других художников эпохи модерна.

Дело не только в желании галеристов еще раз напомнить имя художника. Более шестисот страниц текста составили изданную «Элизиумом» книгу ушедшего из жизни тринадцать лет назад Александра Ковалева, выпускника исторического факультета МГУ, долгое время проработавшего сначала во Всероссийском научно-реставрационном центре имени И.Э. Грабаря, потом — главным редактором художественно-экспертной коллегии одного из управлений Минкультуры. Исследователя интересовали ранние этапы творчества Ларионова, поэтому свое повествование он начал главой с неброским названием «Юность художника», а завершил подробностями первых дней его парижской жизни. «Впереди — триумф русской художественной культуры и мощный заряд обновления, полученный изобразительным искусством Европы, — пишет об этом времени Ковалев. — Полная трагизма жизнь вдали от Родины, нищета в быту и тон-

Всего несколько работ на выставке представляют графическое наследие Михаила Ларионова (Отдыхающий солдат (литография). 1911)

чайшая одухотворенная живопись, известная лишь узкому кругу. И неизбывная тоска по Тирасполю, Москве, товарищам молодости, тоска по охватывавшему его в те годы счастливому вдохновению».

Закономерно, что костяк блиц-выставки, устроенной по случаю выхода книги, ставшей памятником ее автору, составили произведения именно тираспольского периода — то есть 1900-х годов. Кроме того, есть две композиции

под условным названием «Прогулка»: по преданию, это две части одной разрезанной картины. Две, да не все — фрагменты между собой не стыкуются. Возможно, исследователей еще ждут находки остальных частей этого полотна. Карандашный «Трактирный натюрморт», смешные пастельные «Обнаженные» и несколько литографий конспективно знакомят с графическим наследием молодого Ларионова, некогда воскликнувшего на страницах своей записной

книжки (фрагменты из нее тоже опубликованы в книге): «В искусстве предмет и способ его использования не предназначен для того, чтобы просто копировать жизнь. Часто эффекты искусства достигаются законами, противоположными законам жизни. Из этого следует, что искусство покоряется особым законам и составляет, если можно так выразиться, побочную жизнь, духовную жизнь человеческих существ. Живопись независима».